

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH174968-984>

Белозёрова Марина Витальевна
д.и.н., доцент, главный научный сотрудник
Субтропический научный центр РАН, Сочи, Россия
mbelozerowa@mail.ru

Магомедханов Магомедхан Магомедович
д.и.н., заведующий отделом этнографии
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mkhan@yandex.ru

ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: КОНЕЦ 1980-х – 1990-е ГОДЫ

Аннотация. В статье ставится цель рассмотреть опыт управления на региональном уровне миграционными потоками и проблемами адаптации мигрантов к новым для них социокультурным условиям на примере двух по-разному активных в миграционном отношении регионов Юга России (Краснодарского края и Республики Адыгея – «реципиентов» и Дагестана – «донора» «внутренних» и трудовых мигрантов) в 1980-х – начале 1990-х гг. На примере регионов (административно-территориальные районы Краснодарского края и Республика Адыгея, Сочи, Республика Дагестан) показаны последствия массовых переселений в конце 1980-х – начале 1990-х годов из республик Средней Азии, Закавказья в результате межнациональных конфликтов, ухудшения качества жизни населения. Используя системный подход, выборочный метод и компаративный анализ, выявлена региональная специфика миграционной ситуации, рассмотрен опыт регулирования миграционной проблемы на федеральном и региональном уровне. Исследование опирается на нормативно-правовые акты федерального и регионального законодательства, архивные документы. Сделан вывод, что в конце 1980-х – начале 1990-х годов Краснодарский край, Республика Адыгея, Сочи стали одними из основных регионов в России, принявших значительную массу мигрантов из республик СССР. Опыт регулирования миграционной проблемы заключался в создании краевых структур для ее решения, разработки миграционного законодательства на федеральном и региональном уровне, координации работы по управлению миграционными процессами, формировании механизмов по социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов. Последствия продолжающейся до наших дней напряженной динамики миграционных процессов в рассматриваемых в данной статье регионах характеризуются как схожими тенденциями, так и локальными особенностями. Так, в Дагестане происходит интенсивная депопуляция горных территорий. Демографическая ситуация «горы без горцев» рассматривается узким кругом «наследников колхозов» как оптимальная для ликвидации молочно-товарных ферм, превращения горных земледельческих террас, сенокосов и даже садов в летние пастбища для отгонного овцеводства, т.е. отрасли, с точки зрения создания рабочих мест наименее продуктивной и, следовательно, в ничтожной степени, ориентированной на социальное и этнокультурное благополучие горных общин.

Ключевые слова: Западный Кавказ; Дагестан; этнодемографические процессы; регулирование миграционных потоков; социокультурные последствия миграций; межэтнические отношения.

© Белозерова М.В., Магомедханов М.М., 2021

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH174968-984>

Marina V. Belozerova
Dr. of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher
Subtropical Scientific Centre of the RAS, Sochi, Russia
mbelozerowa@mail.ru

Magomedkhan M. Magomedkhanov
Doctor of History, Head of the Department of Ethnography,
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
mkhan@yandex.ru

EXPERIENCE IN REGULATING MIGRATION FLOWS AT THE REGIONAL LEVEL: LATE 1980s – EARLY 1990s

This article aims to consider the example of two differently active re-gions of the South of Russia in terms of migration (Krasnodar Territory and the Republic of Adygea, “recipients” and Dagestan, “donor” of “internal” and labor) migrants) (1980s - early 1990s) experience of managing migration flows at the regional level and the problems of adaptation of migrants to new socio-cultural conditions. The article substantiates the need to study popula-tion migration. On the example of regions (administrative-territorial regions of Krasnodar Territory and the Republic of Adygea, Sochi, the Republic of Dagestan), the consequences of mass displacements in the late 1980s - early 1990s from the republics of Central Asia, Transcaucasia as a result of inter-ethnic conflicts, deterioration the quality of life of the population. Using a systematic approach, a sampling method and a comparative analysis, the re-gional specificity of the migration situation is revealed, the experience of reg-ulating the migration problem at the federal and regional levels is considered. The research is based on the normative legal acts of the federal and regional legislation, archival documents. It is concluded that in the late 1980s - early 1990s, the Krasnodar Territory, the Republic of Adygea, Sochi became one of the main in Russia, accepting a significant number of migrants from the re-publics of the USSR. The experience of regulating the migration problem consisted in the creation of regional structures for its solution, the develop-ment of migration legislation at the federal and regional levels, the coor-dina-tion of work on the management of migration processes, the formation of mechanisms for the socio-economic adaptation and integration of migrants. The consequences of the intense dynamics of migration processes continuing to this day in the regions considered in this article are characterized by both similar trends and local features. So, in Dagestan, there is an intensive de-population of mountainous territories. The demographic situation "moun-tains without mountaineers" is considered by a narrow circle of "collective farm heirs" as optimal for the liquidation of dairy farms, the transformation of mountain agricultural terraces, hayfields and even gardens into summer pastures for distant sheep breeding, i.e. the industry, from the point of view of job creation (three shepherds are enough to care for 1000 heads of sheep), is the least productive and, therefore, negligibly focused on the social and ethno-cultural well-being of mountain communities.

Keywords: Western Caucasus, Dagestan, ethno-demographic processes, regulation of migration flows, socio-cultural consequences of migration, interethnic relations

Исследование проблем, связанных с миграциями населения, имеет многовекторный характер. Данный вопрос является частью общей проблематики по этнической демографии и истории различных этносоциальных групп населения, проявления их политических, социально-экономических и этнических интересов, взаимодействия с органами власти, социальными институтами и с обществом в целом. В этой связи, сформулированная в заглавии тема статьи вписывается в общемировой контекст проблематики регионоведения, в частности горных территорий, а также глобальных социокультурных проблем этнически многообразного мира.

С конца 1980-х годов и вплоть до настоящего времени миграционная проблема остается в достаточной степени острой для России. Если в СССР миграции населения были внутренними, т.е. в пределах страны, и имели межрегиональную направленность, то в постсоветский период они приобрели и межгосударственный характер (в основном из стран СНГ и бывших советских республик). Миграция – это фактор, который влияет на резкую стратификацию общества. Причинами массовых переселений, главным образом, являются дестабилизация внутренних отношений на родине, межнациональные конфликты, ухудшение качества жизни населения, безработица. Попадая в иноязычную и инокультурную среду, мигранты стараются сформировать диаспоры, внутри которых определяются их «экономические стратегии», организуются различные формы этнического предпринимательства иногда без учета интересов резидентов или местного населения [1; 2; 3; 4; 5]. В свою очередь это, как правило, ведет к дестабилизации отношений в обществе.

В данной работе основное внимание уделяется проблемам, с которыми столкнулись регионы РФ в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в результате усилившихся миграционных потоков, анализируется опыт органов региональной власти по регулированию миграционного процесса на примере Республики Дагестан и ряда районов Краснодарского края, Республики Адыгея, г. Сочи, географически расположенных в пределах Северного и Западного Кавказа. Республика Адыгея (левобережье Кубани) занимает центральную часть Прикубанской (Закубанской) наклонной равнины и северные склоны Северного и Западного Кавказа; граница Абинского района Краснодарского края в южной части проходит по Главному Кавказскому хребту; территория Апшеронского района входит в предгорную зону северного склона и зону средневысотных гор западной оконечности Большого Кавказа; граница Сочи (Причерноморье, административно отнесен к Краснодарскому краю) с севера проходит по Главному и Водораздельному хребтам Западного Кавказа.

Методологической основой стали принципы системного подхода. Был использован выборочный метод по хронологическому (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) и территориальному (районы Краснодарского края, Республика Адыгея, Республика Дагестан) срезам. Компаративный анализ позволил проследить сложившуюся миграционную ситуацию и опыт регулирования миграционного процесса на региональном уровне. Для исследования данной

проблематики перспективными в ряду многих источников являются архивные документы, нормативно-правовые документы федерального и регионального уровней. Подчеркнем также значение сравнительно-исторического и этнологического методов анализа миграционных процессов, особенно применительно к России, история которой со времен Древней Руси и до наших дней отмечена перманентными перемещениями этнически и конфессионально разнородного населения, которые рассматривались в российской историографии не только с военно-политической, экономической, но и с народоведческой точек зрения.

В исследовании были использованы следующие термины:

беженец – прибывшее на территорию Российской Федерации лицо, которое было вынуждено покинуть место своего постоянного жительства вследствие совершенного в отношении него или членов его семьи насилия, преследования в любых формах, либо опасности подвергнуться преследованию по признаку национальной, расовой принадлежности, вероисповедания, языка, политическим убеждениям, принадлежности к определенной социальной группе;

вынужденный переселенец – лицо или гражданин РФ, вынужденно покинувший место своего постоянного жительства по аналогичным или другим причинам;

вынужденная миграция в Россию – поток вынужденных переселенцев, вследствие социально-этнической напряженности, принятых государствами – бывшими республиками Союза ССР – законов о гражданстве, языке и бытового национализма [6];

миграция населения – (от лат. *migratio* – переселение) перемещения людей через границы тех или иных территорий с переменой места жительства навсегда или на более, или менее длительное время. Подразделяется на: *безвозвратную м.* – смена постоянного места жительства; *временную м.* – переселение на ограниченный срок; *сезонную м.* – перемещение в определенные периоды года. Различают: *внешнюю* – эмиграция, иммиграция; *внутреннюю* – из села в город, межрайонные переселения и др. миграцию населения; «*маятниковую*» – регулярные поездки к месту работы или учебы за пределы своего населенного пункта.

Рассмотрение проблемы миграции в отечественной историографии не нова. К этой проблематике обращались исследователи, специализирующиеся в различных областях общественного знания – социологи, экономисты, историки, политологи, философы. В большей степени изучение вопросов миграции касается мегаполисов – Москвы, Санкт-Петербурга. Исследователями в данной большой проблематике затрагиваются различные аспекты.

Одним из основных предметов исследований стали вопросы экономической миграции, создания рабочих мест, анализ концепта «этническая экономика», формирования моделей этнического предпринимательства в отдельных регионах. Эта проблематика вызывает значительный интерес у зарубежных [7; 8; 9; 10] и отечественных исследователей [11; 12; 13; 14; 15; 16]¹. Ставились

¹ Капустина Е.Л. Трудовая миграция из сельского Дагестана как хозяйственная практика и социокультурное явление. Диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.07 / Музей антропологии и

вопросы создания инфраструктуры для социокультурной адаптации иностранных граждан в российское общество [17, с. 91, 93; 11]; миграции и этнокультурной безопасности [15]; рассматривалась специфика этнической миграции как формы взаимодействия этносов [18, с. 134; 19, с. 4, 14–16], формирование адаптивных условий в студенческой среде [20], этнического предпринимательства [21; 22; 23; 24; 25]. Интерес представляют разработки по изучению конфликтности миграции, формирования в обществе явления, так называемой «мигрантофобии» [26, с. 174, 178]. Общим для ряда этих работ является то, что вопросы миграции авторы связывали с курсом национальной политики, в частности и на региональном уровне [27, с. 91], регуляцией миграционных потоков в контексте регуляции межэтнических отношений, вопросы законодательного упорядочивания и институционализации.

Однако ряд аспектов, связанных с миграцией в южные регионы РФ в конце 1980-х – начале 1990-х гг. остались вне внимания авторов или были исследованы недостаточно. К таким можно отнести:

- миграции в результате конфликтов из других регионов СССР и риски для местного населения (резидентов);
- рассмотрение опыта федеральных и региональных органов власти по регулированию миграционной проблемы (расселение, вопросы обустройства мигрантов, взаимодействия с местным населением и органами власти, область общественных и культурных интересов и др.).

Обращаясь к более подробному рассмотрению этих вопросов, отметим два аспекта. Первое – несмотря на глубокий экономический кризис, который начал проявляться в 1990-е гг. как в целом в РФ, так и в регионах страны, экономическое положение России было намного устойчивее, чем в бывших республиках СССР. Другим немаловажным фактором стала возможность для мигрантов получения среднего и высшего образования на русском языке. В ряде регионов образование осуществлялось на русском языке как, например, в Нагорном Карабахе, что привело к усилению миграции армян из Нагорного Карабаха в Россию.

И, наконец, предметом изучения и политического дискурса не стали факторы, влиявшие на складывавшуюся ситуацию в южных регионах России вследствие усиления миграционного потока, на социальные риски для местного населения в результате миграционных процессов.

Начиная с 1989 г., в России было отмечено усиление стихийной миграции в результате конфликтов, произошедших в республиках Средней Азии и Закавказья². К примеру, в этом году из Узбекистана в Россию прибыло свыше 20,0 тыс. турок-месхетинцев, из которых были обеспечены жильем в сельской местности и работой в различных регионах нашей страны 13,0 тыс. человек.

этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург. 2013.

² Постановление Правительства РФ от 18.05.1992 г. № 327 «О республиканской долговременной программе «Миграция» Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbodu=&prevDoc=102010276&backlink=1&nd=102016239>. Дата обращения: 01.09.2021 г.

Таким образом, размещение беженцев, по оценке соответствующих федеральных структур, происходило в организованном порядке. В 1990 г. в Российскую Федерацию из Баку прибыло более 90,0 тыс. человек, из которых около 2/3 были русскоязычные граждане, остальные – других этносов. В 1991 г. из Грузии в Северную Осетию прибыло более 100,0 тыс. осетин³.

Пропорционально мигранты по этнической принадлежности делились следующим образом (от всех мигрантов, прибывших в РФ к 1992 г.): всего официально было зарегистрировано 222,0 тыс. беженцев, из них осетин – 37%, турок-месхетинцев – 20%, армян – 20%, русских и других славянских этносов – примерно 23%. Как видим, республики Закавказья стали основными странами исхода населения. Характеризуя проблему в документе «О республиканской долговременной программе «Миграция» (1992 г.), отмечались следующие уже проявившиеся тенденции: рост численности мигрантов-русских, складывание наиболее напряженной обстановки в южных регионах страны. Прежде всего в районах Северного Кавказа, Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области. На их территории расположилось до 70% всех беженцев⁴. В сущности, эти регионы стали буферной зоной между районами Закавказья и центральной России. Безусловно, одной из главных причин миграции в южные регионы России были благоприятные природно-климатические условия регионов.

Сложившуюся ситуацию иллюстрируют результаты социологического опроса, проведенного в 1994 г. в рамках исследования «Этносоциальные и криминальные последствия вынужденной миграции». Опрос был проведен среди постоянных жителей Краснодара неславянской этнической принадлежности (300 чел.), нерусских беженцев (100 чел.), переселившихся в Краснодарский край, и сотрудников МВД Ставропольского края (300 чел.). Были получены следующие результаты: в 1990 г. доля беженцев, хотевших остаться *только* в Краснодарском крае без каких-либо попыток перебраться в другой регион, составляла 20%, желали остаться на постоянное жительство – 65%. Уже в 1994 г. ситуация изменилась: по первому параметру число возросло уже до 66%, по второму – до 83%⁵.

Мигранты на территории РФ оформляли статус беженца или вынужденного переселенца, который признавался только на основании правительственных постановлений с учетом каждого конкретного случая. Такая ситуация была вызвана тем, что вплоть до 1992 г. в стране не были сформированы миграционное законодательство, закон о беженцах, государственные структуры, которые должны были заниматься их проблемами. Регистрацией мигрантов

3 Там же.

4 Постановление Правительства РФ от 18.05.1992 г. № 327 «О республиканской долговременной программе «Миграция». Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102010276&backlink=1&nd=102016239>. Дата обращения: 01.09.2021 г.

5 Мельник Е.А. Этносоциальные и криминальные последствия вынужденной миграции. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.hrw.org/legacy/russian/reports/russia/1998/sr/topic12.htm>. Дата обращения: 10.09.2021.

занимались органы МВД. В этот период нормативно-правовые документы правительства и президента РФ принимались исключительно «с целью ликвидации чрезвычайных миграционных ситуаций» [11, с. 88].

Таким образом, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в стране еще не сложилась практика по системному решению миграционных проблем, включая и отсутствие нормативной базы. Поэтому первоначально региональные органы власти в своей деятельности были вынуждены опираться только на межправительственные документы. Все это затрудняло регистрацию мигрантов и оформление их статуса. Кроме того, формируемое российское миграционное законодательство не было однозначным. Это можно проследить по ряду ограничений для переселенцев. Так, армяне, которые бежали из Азербайджана в ходе массовых волнений 1988-1990 гг., согласно существовавшему тогда российскому законодательству, были отнесены к категории «временных переселенцев», если они были зарегистрированы до 1993 г. в соответствующих российских государственных органах. Те же, кто прибыл после этого срока, были отнесены к категории «беженцы»⁶.

Как мы отмечали выше, часть мигрантов устремилась в густонаселенные районы Краснодарского края и Республику Адыгея. По этнической принадлежности это были турки-месхетинцы, курды, азербайджанцы, армяне и др. В результате наплыва мигрантов в регионе обострилась социальная ситуация [18, с. 20–21; 28]. В этой связи отметим некоторые аспекты. Часть прибывших и продолжавших приезжать в Краснодарский край не проходили регистрацию, т.е. формировались категории легальных и нелегальных мигрантов. К середине 1990-х гг. краевые органы управления обеспокоила проблема роста численности армянской диаспоры на территории края. Согласно материалам краевых органов миграционной политики, в крае были зафиксированы две тенденции: «устойчивая» естественная убыль (смертность) «славянского» населения и рост доли армянского населения в общей численности жителей края в целом. По мнению руководства краем, усиление миграции армян и их естественный прирост могли привести к постепенному изменению «...в равновесии ... численности основных национальных групп народонаселения края...», которое исторически сложилось⁷. В качестве примера можно привести агломерацию Большой Сочи, входящую в состав Краснодарского края. Он также стал одним из «центров» миграции, в частности для армян – беженцев из Нагорного Карабаха и позднее Абхазии. Согласно данным администрации Сочи, к 1993 г. там было зарегистрировано по месту жительства 5337 человек, из которых 66,3% составляли русские и около 16,4% армяне. Уже в 1996 г. пропорции

6 Этнические войны и принудительная миграция. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.hrw.org/legacy/russian/reports/russia/1998/sr/topic12.htm>. Дата обращения: 10.09.2021.

7 Постановление № 130 «О фактах грубого нарушения законов Российской Федерации и нормативных актов Краснодарского края, регулирующих регистрацию граждан, порядок землепользования и строительства в г. Сочи», принятое администрацией Краснодарского края 16 апреля 1997 г. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.hrw.org/legacy/russian/reports/russia/1998/sr/topic12.htm>. Дата обращения: 17.09.2021.

резко изменились: доля русских сократилась до 45,1%, доля армян возросла до 39,8%. Причиной такого «выравнивания» численности этих групп населения оказалась выявленная «незаконная» выдача главами районных администраций разрешений на регистрацию браков с лицами, не проживавшими на территории Российской Федерации. В качестве примера приводилась практика, установившаяся в Адлерском районе: в 1995 г. администрацией было выдано 142 подобных разрешения, в 1996 г. – 189. При данной системе в 1996 г. русских в Адлерском районе проживало примерно в 3,6 раза меньше, чем армян. По этому поводу с перечислением выявленных нарушений администрацией Краснодарского края было принято специальное Постановление «О фактах грубого нарушения законов Российской Федерации и нормативных актов Краснодарского края, регулирующих регистрацию граждан, порядок землепользования и строительства в г. Сочи» (1997 г.)⁸.

К другим негативным явлениям можно отнести определенные риски для местных жителей, созданные мигрантами, в частности, в ряде районов Краснодарского края (к примеру, Абинском, Белореченском, Апшеронском). В целом в регионе не была подготовлена местная инфраструктура к приему мигрантов, прежде всего это касалось рынка жилья. Школы и больницы не были рассчитаны на прием увеличившегося населения. Произошло резкое сокращение рабочих мест в ряде отраслей, снижение шансов на ведение предпринимательской деятельности для местного населения. Эти выводы были сделаны по итогам работы специальной комиссии по контролю и координации работы по упорядочению миграции населения в Краснодарском крае и по протесту прокурора. Результатом стало принятие Решения Президиумом Краснодарского краевого совета народных депутатов о временном ограничении приема беженцев, стихийно прибывших в край⁹.

В Республике Адыгея миграционная обстановка несколько отличалась. В конце 1980-х гг. и в последующее время основную часть населения Адыгеи составляли русские, их доля в этнической структуре республики была стабильно высокой. Показатели приводятся в динамике [29]: в 1959 г. – около 70,4 %, в 1989 г. – 70,6 %, в 2002 г. – 67,96 %, в 2010 – 61,5 %. Некоторое снижение доли русских было связано с увеличением в республике численности представителей других этносов – армян (например, в 1959 г. – 1,06 %, 1989 г. – 2,4%, в 2010 – 3,5%), курдов, греков, грузин и других этносов, а также появлением в этнической структуре республики представителей народов, которые ранее здесь не были или почти не были представлены. Наиболее четко эти процессы

8 Постановление № 130 «О фактах грубого нарушения законов Российской Федерации и нормативных актов Краснодарского края, регулирующих регистрацию граждан, порядок землепользования и строительства в г. Сочи», принятое администрацией Краснодарского края 16 апреля 1997 г. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.hrw.org/legacy/russian/reports/russia/1998/sr/topic12.htm>. Дата обращения: 17.09.2021.

9 Национальный архив Республики Адыгея (здесь и далее НАРА). Ф. Р-79 (Майкопский городской Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и его исполнительный комитет. 1922–1935, 1943–1992 годы). Оп. 4. Д. 1147; Ф. Р-499 (Верховный Совет Республики Адыгея (1992–1993). Государственный Совет-Хасэ Республики Адыгея. 1995 – по настоящее время). Оп. 1. Д. 142.

прослеживаются в 2010 г. К таким этносам относятся азербайджанцы (1,8 тыс.), корейцы, чеченцы (0,8 тыс.), чеченцы (0,6 тыс.), осетины (0,5 тыс.), лезгины (0,4 тыс. чел.) и другие народности.

Отметим также следующие аспекты. Анализ архивных документов показал, что в Республике Адыгея в начале 1990-х гг. демографическая ситуация была не совсем благоприятная и характеризовалась следующими тенденциями: снижением уровня рождаемости (за девять месяцев 1993 г. – 3533 человек) и увеличением уровня смертности (за тот же период – 4785 человек). Убыль населения шла и за счет выезда части жителей из республики в другие регионы России. Так, за девять месяцев 1994 года выбыло более 8,0 тыс. человек. В то же время был зафиксирован и незначительный рост населения за счет внутренней миграции (русских, адыгейцев, армян, греков, абхазов) из других регионов РФ: за тот же период в Адыгею прибыло более 10,2 тыс. человек. Учитывая общую неблагоприятную демографическую ситуацию в Республике Адыгея, а также снижение доли трудоспособного населения (например, в 1993 г. она составила около 53,3%, в 1994 г. – около 52,8%), последствия миграции не имели такой остроты, как в других районах Краснодарского края. Однако обозначилась и негативная тенденция в структуре переехавших в республику – это увеличение доли граждан пенсионного возраста. Например, в 1994 г. доля пенсионеров в общем числе прибывших составила 35%¹⁰. Таким образом, в Республике Адыгея обозначились следующие тенденции: некоторое изменение этнического состава населения (снижение доли русских за счет увеличения доли других этносов); снижение уровня рождаемости и увеличение уровня смертности населения; повышение доли жителей пенсионного возраста, в том числе и среди вновь приехавших.

Таким образом, для регионов Краснодарского края была характерна внешняя миграция из республик бывшего СССР – Закавказья и Средней Азии, характеризовавшихся в конце 1980-х – начале 1990-х годов повышенной конфликтностью, очагами военного напряжения, проявившейся бедностью населения.

Для регулирования ситуации с усиливавшимся миграционным потоком в крае была создана постоянная комиссия при Краснодарском краевом совете народных депутатов по культуре, национальным вопросам, межнациональным отношениям, охране исторического наследия, по проблемам миграции. Комиссией был разработан план мероприятий, на основе которого принято решение Президиума крайсовета, которое предусматривало следующие шаги¹¹: создание миграционной службы и специальной комиссии по контролю и координации работы по упорядочению миграции в крае населения; разработку «Временного положения о статусе беженцев в Краснодарском крае»; принято решение об оформлении мигрантами договоров купли-продажи домов. В то же время был введен и ряд ограничений для мигрантов. В частности, было оговорено

10 НАРА. Ф. Р-79. Оп. 4. Д. 1147; Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 142. л. 10, 11.

11 НАРА. Ф. Р-79. Оп. 4. Д. 1147. Л. 3-4.

разрешение принимать на временную работу беженцев, прибывших в край только до 01.04.1990 г., временно ограничена прописка стихийно прибывших беженцев. Последнее положение было принято по протесту прокурора Краснодарского края в результате массовых сходов и митингов коренного населения Абинского, Белореченского, Апшеронского и других районов, возмущенных массовым наплывом переселенцев. Предложено проведение разъяснительной работы в среде вынужденных мигрантов о необходимости их выезда в те места временного проживания, которые для них были определены. Последняя мера опиралась на Постановление Совета Министров РСФСР «О дополнительных мерах по оказанию помощи в размещении беженцев, прибывающих в РСФСР» (1990 г.)¹² и Постановление Совета Министров РФСР «О мерах по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам» (1990 г.)¹³.

Согласно этим документам, основные задачи органов региональной и республиканской власти заключались в защите интересов граждан РФ, проживающих на ее территории и за ее пределами, координации работы по управлению миграционными процессами, содействие по социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов в России, работа по оказанию помощи беженцам и др. Предусматривалось два этапа расселения. На первом, временном, массово прибывающих мигрантов из-за чрезвычайных ситуаций размещали на определенных территориях. На данном этапе их признавали беженцами и вынужденными переселенцами. На втором этапе происходило добровольное расселение на основе рекомендаций Комитета по делам миграции населения при Министерстве труда и занятости населения Российской Федерации и существующих ограничений в прописке в ряде регионов. Был составлен и список благоприятных и относительно благоприятных территорий, на которых было целесообразно расселять вновь прибывших. Краснодарский край в данный перечень не входил. На основе этих постановлений Министерству труда РСФСР и Государственному комитету РСФСР по экономике была поручена разработка Республиканской долговременной программы «Миграция» (разработана и утверждена в 1992 г.) [11]¹⁴.

Реализация мероприятий, обозначенных в постановлениях Совета Министров РСФСР, как на федеральном, так и региональном уровне позволила приостановить поток беженцев в Краснодарском крае и приступить к регулированию миграционного потока.

В Республике Дагестан миграционная ситуация отличалась от российских регионов, что было обусловлено, главным образом, внутренними

12 Постановление № 130 «О фактах грубого нарушения законов Российской Федерации и нормативных актов Краснодарского края, регулирующих регистрацию граждан, порядок землепользования и строительства в г. Сочи», принятое административной комиссией Краснодарского края 16 апреля 1997 г. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.hrw.org/legacy/russian/reports/russia/1998/sr/topic12.htm>. Дата обращения: 17.09.2021.

13 Постановление Совета Министров РСФСР от 22.11.1990 г. № 539 «О мерах по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам». Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102010276&backlink=1&nd=102016239>. Дата обращения: 17.09.2021.

14 Постановление Правительства РФ от 18.05.1992 г. № 327 «О республиканской долговременной программе «Миграция». Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102010276&backlink=1&nd=102016239>. Дата обращения: 01.09.2021 г.

экономико-демографическими причинами [30]. Отмечаются следующие тенденции. Миграции населения имели место, начиная с 1970-х годов и вплоть до настоящего времени. Они были внешними (выезд за пределы республики и за рубеж) и внутренними (переселение горцев на равнину и в города). Наиболее характерным видом внешней миграции была традиция «отходничества» за пределы Дагестана. То есть создавались строительные бригады, которые «шабашили» в разных регионах СССР с марта по ноябрь. Этим решалась проблема безработицы. По разным оценкам в таких бригадах работало от двухсот до трехсот тысяч дагестанских мужчин.

Отмеченные аспекты, согласно данным В.С. Белозерова, «вписываются» в общую картину динамики этнической структуры Российского Кавказа, которая определялась соотношением трех этнических групп – русских, народов Дагестана и ряда других этносов региона (греков, армян и др.). Характеризуя важнейшие этапы и тенденции миграционных процессов в регионе, автор выделяет два периода: период «славянизации» (процесс русификации региона в дореволюционное время до начала 1960-х гг.) и период «дерусификации» (сокращением положительной динамики абсолютных и относительных показателей русских в структуре населения Дагестана) [27; 31]¹⁵. Внутренняя миграция с конца 1950-х гг., – это переселение населения с гор на равнину с целью решения проблемы земельной и демографической диспропорций между горными и равнинными районами. В 1990-е гг. миграционные потоки в Дагестане имели следующую направленность: 1) внутри северокавказского региона, 2) из региона за его пределы, 3) из другого региона в республику [12; 32]. В 1990-е гг. в Дагестане значительное влияние на миграционную ситуацию оказало экономическое состояние региона. Формирование до 90% бюджета республики шло из федеральных дотаций, уровень заработной платы был в три раза меньше, чем в среднем по РФ, каждый пятый из восьмисоттысячного экономически активного населения оставался безработным. До 40% населения республики проживало в селах. В высокогорных районах основная масса людей была занята сезонными работами в слабо развитых в технологическом отношении хозяйствах [33; 13; 34; 35].

С 1980-х гг. основную часть мигрантов из республик Северокавказского региона в целом и Дагестана в частности составили русские и другие «нетитульные» этносы [31]. В результате нерегулируемого оттока русскоязычного населения в 1990-е гг. республику покинули 49 тыс. представителей русского, украинского, еврейского, армянского и татарского населения [36].

С 1990-х гг. миграция горцев на равнину, в отличие от плановых, нацеленных на развитие аграрного сектора на равнине переселений советского периода, носит стихийный, неуправляемый характер. Депопуляция горных и особенно высокогорных районов становится все более необратимой [35]. В постсоветский

15 Капустина Е.Л. Трудовая миграция из сельского Дагестана как хозяйственная практика и социокультурное явление. Диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.07 / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург. 2013.

период более 200 высокогорных поселений утратили статус административных единиц (населенных пунктов), а более сорока и вовсе обезлюдели [37, с. 9]¹⁶.

В то же время росло число дагестанцев, проживающих за пределами республики (в РФ и СНГ в 1959 г. – 208 тыс. чел.; в 1970 г. – около 304; в 1979 г. – 390, в 1989 г. – свыше 619 тыс. человек [38, с.14; 23, с.19]). Миграции за пределы региона затронули и коренные народы Дагестана. По данным на 2002 г. в РФ, но за пределами Дагестана, проживало 376 тыс. дагестанцев [39, с. 7–18]. К 2010 г. таковых насчитывалось 445 тыс. человек [37, с. 9]. Так, если доля аварцев от общей численности населения, проживавших в Дагестане, составляла 86,1%, то к 1989 г. она уменьшилась до 82,5%, даргинцев – с 90,1% до 76,8%; кумыков – с 89,5% до 82,2%; лезгин – с 50,2% до 43,9%; лакцев – с 84,2% до 77,6%; табасаранцев – с 96,5% до 80,2%; ногайцев – с 42,0% до 37,6%; рутульцев – с 97,6% до 74,0%; агульцев – с 97,7% до 73,8%; цахуров – с 38,8% до 26,0%. [38, с. 29; 40, с. 14]. В 1990-е гг. фиксируется обратный процесс: возвращение дагестанцев в республику из российских регионов, а также, после распада страны, из бывших республик СССР. В результате число прибывающих в республику превысило число выезжающих из нее. Миграционной службой РД с июля 1992 по январь 1998 г. было зарегистрировано 2047 семей (6878 человек), прибывших из Азербайджана, Грузии, Узбекистана, Туркмении. В результате военных конфликтов в Закавказье и регионах Северного Кавказа в течение 08.12.1994 года – конца 1997 гг. Дагестан принял 28,6 тыс. человек вынужденных переселенцев. За 1989-2002 гг. в Дагестане численность населения дагестанских народов только за счет миграции в республику из других регионов увеличилась на 75,0 тыс. человек [13, с. 90–95; 37; 41, с. 29; 38, с. 14].

Подводя итоги, отметим, что в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Краснодарский край стал одним из основных регионов России, принявших значительную массу мигрантов из республик СССР – Средней Азии, Закавказья, Абхазии. На примере регионов Краснодарского края и Республики Адыгеи прослеживаются проблемы, с которыми столкнулись как местные органы управления, так и местное население. Миграционная ситуация в регионах края имела свои нюансы [23; 24; 25].

Опыт регулирования миграционной проблемы в Краснодарском крае заключался, прежде всего в создании краевых структур для ее решения, разработки миграционного законодательства на федеральном и региональном уровне, координации работы по управлению миграционными процессами, формировании механизмов по социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов. Слабые стороны принимаемых мер проявились в том, что оставалось достаточно большое число мигрантов, не проходивших регистрацию. То есть формировались две категории мигрантов – легальных и нелегальных. А значит, миграционные процессы стали принимать латентный характер и могли в будущем стать основанием для формирования негативных явлений в регионах.

16 Капустина Е.Л. Трудовая миграция из сельского Дагестана как хозяйственная практика и социокультурное явление. Диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.07 / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург. 2013.

Тем не менее, миграционный поток в Краснодарском крае удалось приостановить, что послужило началом его регулирования.

В Дагестане причины и последствия переселения населения с гор на равнину, оттока за пределы республики необходимо рассматривать во взаимосвязи с социальной напряженностью, вызванной реформами в экономической и социальной сфере, переходом к рыночной экономике, приватизацией совхозов и колхозов, конфликтами на Северном Кавказе [14; 42; 43; 44; 45; 46; 16, с. 109–110; 29]¹⁷. Со второй половины 1980-х гг. миграция горцев на равнину приобрела (в отличие от «плановых» переселений советского времени) стихийный, неуправляемый характер, привела к пополнению в значительной массе безработного населения городов и составляющих городские агломерации поселков. На равнине и без новых заселений было немало проблем (административно-правовой статус поселений на т.н. «землях отгонного животноводства», безработица, напряженные поземельные отношения с «самостийно» хозяйствующими субъектами (собственниками), под началом которых молодежь не считает достойным работать и выезжает на заработки. Исследователями отмечено, что миграция «интеллектуальной и предпринимательской инновационной направленности, не связанных с коррумпированными кругами» является «существенной угрозой деградации населения, т.к. республику покидают граждане, создающие качество нации и генетически несущие будущее – самые умные и самые энергичные». «Преодоление этой тенденции, регулирование миграционных потоков, должно стать одной из главных задач экономической политики в Республики Дагестан...» [13, с. 96]. С миграцией неженатой молодежи за пределы республики сопряжены также сложности в сфере брачных и гендерных отношений, социальные болезни, конфликты норм поведения [32].

Таким образом, в целом специфику социальных и этнокультурных последствий миграционных процессов в Дагестане определяют внешние [13; 30; 32] или имманентные, т.е. обусловленные факторы: многонациональный состав, стабильное увеличение численности населения, высокий удельный вес сельского населения (более 50%) в социальной структуре населения. Дальнейшее изучение рассмотренных в данной статье проблем открывает перспективы для принятия управленческих решений, для «удержания» региональными властями миграционных потоков, равно как и вопросов социокультурной, межэтнической интеграции мигрантов с «принимающей стороной», в режиме управляемости.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта РФФИ 190-9-00490 а «Использование этнокультурных традиций в стратегии социально-экономического и экологического развития горных территорий Дагестана».

¹⁷ *Лепахова С.В., Янжинов С.А.* Этнокультурная правовая политика в контексте миграционных процессов Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnaya-pravovaya-politika-v-kontekste-migratsionnyh-protsessov>. Дата обращения: 10.09.2021 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. *Бажан Т.А.* Вопросы инфраструктуры интеграции мигрантов в региональных планах реализации государственной национальной политики Российской Федерации // Экономика. Право. Общество. № 2 (18). 2019. С. 91-100.
2. *Белозеров В.* Трансформация этнодемографических и миграционных процессов на Северном Кавказе // Россия и Мусульманский мир. 2010. № 10. с. 54-73.
3. *Белозёрова М.В.* К проблеме толерантности и межкультурного взаимодействия в студенческой среде // Вестник Кемеровского государственного университета. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2011. № 2 (46). С. 5-9.
4. *Белозёрова М.В.* Этническое предпринимательство в Сочинском Причерноморье: особенности развития в начале XXI столетия. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-11-150-162> // Научный диалог. 2018. № 11. С. 150-162.
5. *Бердникова О., Паченков О.* Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. № 3 (2). С. 74-81. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnichnost-etnicheskoy-ekonomiki-i-sotsialnye-seti-migrantov> (дата обращения: 11.05.2018).
6. *Light, I.* Immigrant and Ethnic Enterprise in North America, *Ethnic and Racial Studies* (April 1984). Vol. 7, No. 2.
7. *Light, I., and S. Karageorgis.* The Ethnic Economy, in: Smelser, N., and R. Swedberg (eds.). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press, 1994.
8. *Waldinger, R.* Immigrant enterprise. A critique and reformulation, *Theory and Society* (1986). No.15
9. *Waldinger, R., Ward, R., and H. Aldrich.* Ethnic Business and Occupational Mobility in Advanced Societies, *Sociology* (November 1985). Vol. 19, No.4. P. 586-597.
10. *Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л.* Миграционная политика России история и современность. М.: Эконом-Информ. 2016. 192 с.
11. *Егоров В.К., Ибрагимов М.-Р.А.* Русское население Дагестана: проблемы и перспективы этнодемографического развития // Федерализм. 2013. № 2. С. 159-170.
1. *Bazhan TA.* Issues of the infrastructure of the integration of migrants in regional plans for the implementation of the state national policy of the Russian Federation [Voprosy infrastruktury integratsii migrantov v regional'nykh planakh realizatsii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii] *Economy. Law. Society*. 2019, 2(18): 91–100. (in Russ)
2. *Belozerov V.* Transformation of ethno-demographic and migration processes in the North Caucasus [Transformatsiya etnodemograficheskikh i migratsionnykh protsessov na Severnom Kavkaze] *Russia and the Muslim world*. 2010, 10: 54–73. (In Russ)
3. *Belozerova MV.* On the problem of tolerance and intercultural interaction in the student environment [K probleme tolerantnosti i mezhkul'turnogo vzaimodeystviya v studencheskoy srede] *Bulletin of the Kemerovo State University. Journal of Theoretical and Applied Research*. 2011, 2(46): 5–9. (In Russ)
4. *Belozerova MV.* Ethnic entrepreneurship in Sochi Black Sea region: features of development in early 21st century [Etnicheskoe predprinimatel'stvo v Sochinskom Prichernomor'e: osobennosti razvitiya v nachale XX stoletiya]. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-11-150-162>. *Nauchnyi dialog*. 2018, 11: 150–162. (In Russ)
5. *Berdnikova O, Pachenkov O.* Ethnicity of the “ethnic economy” and social networks of migrants [Etnichnost' «etnicheskoy ekonomiki» i sotsial'nye seti migrantov // Ekonomicheskaya sotsiologiya]. *Economic sociology*. 2002, 3(2): 74-81. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnichnost-etnicheskoy-ekonomiki-i-sotsialnye-seti-migrantov> (accessed on: 05/11/2018).
6. *Light, I.* *Immigrant and Ethnic Enterprise in North America, Ethnic and Racial Studies* (April 1984). Vol. 7, No. 2.
7. *Light I, Karageorgis S.* The Ethnic Economy. Smelser N., and R. Swedberg (eds.). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press, 1994.
8. *Waldinger R.* Immigrant enterprise. A critique and reformulation, *Theory and Society* (1986). No.15
9. *Waldinger R, Ward R, Aldrich H.* Ethnic Business and Occupational Mobility in Advanced Societies. *Sociology*. 1985, 19(4): 586–597.
10. *Vorobieva OD, Rybakovsky LL, Rybakovsky OL.* *Migration policy of Russia, history and modernity [Migratsionnaya politika Rossii istoriya i sovremennost']*. Moscow: Econom-Inform, 2016.
11. *Egorov VK, Ibragimov M-RA.* Russian population of Dagestan: problems and prospects of ethnodemographic development [Russkoe naselenie Dagestana: problemy i perspektivy etnodemograficheskogo razvitiya] *Federalism*. 2013, 2: 159-170. (In Russ)

12. Ибрагимов М.-Р.А. Актуальные проблемы современной демографии республики Дагестан // Вестник Дагестанского научного центра. 2014. № 52. С. 90-95.
13. Ибрагимов М.-Р.А., Егоров В.К. Конфликтотенные аспекты земельного вопроса в Дагестане // Федерализм. 2014. № 4 (76). С. 109-122.
14. Ильин В.И. Миграционная составляющая национальной политики // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 3. С. 130-134 (С. 134).
15. Казенин К.И. Миграция северокавказского населения с гор на равнину: истоки разнообразия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 23-38.
16. Симонян М.С. Армянская диаспора Северо-Западного Кавказа: формирование, культурно-конфессиональный облик, взаимоотношения с властью, общественными и религиозными объединениями (конец XVIII – конец XX века) / Автореферат... канд. ист. наук. Майкоп: Адыгейский госуниверситет. 2003. 25 с.
17. Тарабян К.К. Диаспора в политическом процессе современной России (на примере армянской диаспоры) / Автореферат... канд. полит. наук. Екатеринбург. 2018. 17 с.
18. Садовой А.Н. Черноморское побережье Кавказа. Этническое предпринимательство в системе межкультурных коммуникаций: постановка проблемы // Homo communicans II: Человек в пространстве межкультурной коммуникации. Szczecin. 2012. P. 239-244.
19. Садовой А.Н. Этническое предпринимательство в трансграничных районах: к исследованию адаптационных процессов // Социальные, экономические, технологические и экологические аспекты устойчивого развития регионов России. Сочи: Оптима. 2018. С. 167-172.
20. Садовой А.Н., Белозёрова М.В. Индикаторы мониторинга реализации стратегии государственной национальной политики Российской Федерации: модели традиционного жизнеобеспечения и этническое предпринимательство // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 296-312.
21. Лубский А.В., Сериков А.В., Стукалова Д.Н. Конфликтотенный потенциал миграционных потоков в контексте обеспечения национальной безопасности России // Госу-
12. Ibragimov M-RA. Actual problems of modern demography of the Republic of Dagestan [Aktual'nye problemy sovremennoy demografii respubliky Dagestan]. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. 2014, 52: 90-95. (In Russ)
13. Ibragimov M-RA, Egorov VK. Conflict-related aspects of the land issue in Dagestan [Konfliktotennyye aspekty zemel'nogo voprosa v Dagestane]. *Federalism*. 2014, 4(76): 109-122.
14. Ilyin VI. Migration component of national policy [Migratsionnaya sostavlyayushchaya natsional'noy politiki]. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2012, 3: 130-134. (In Russ)
15. Kazenin KI. Migration of the North Caucasian population from the mountains to the plains: the origins of diversity [Migratsiya severokavkazskogo naseleniya s gor na ravninu: istoki raznoobraziya] *Journal of Social Policy Research*. 2019, 17(1): 23-38. (In Russ)
16. Simonian MS. *Armenian Diaspora of the North-West Caucasus: Formation, Cultural and Confessional Image, Relationship with the Authorities, Public and Religious Associations (late 18th – late 20th century)* [Armyanskaya diaspora Severo-Zapadnogo Kavkaza: formirovanie, kul'turno-konfessional'nyy oblik, vzaimootnosheniya s vlast'yu, obshchestvennymi i religioznymi ob"edineniyami (konets KhVIII – konets KhKh veka)]. Abstract of dis. Maikop: Adyghe State University, 2003. (In Russ)
17. Tarabyan KK. *Diaspora in the political process of modern Russia (on the example of the Armenian diaspora)* [Diaspora v politicheskom protsesse sovremennoy Rossii (na primere armyanskoy diaspori)]. Abstract of dis. Ekaterinburg, 2018. (In Russ)
18. Sadovoy AN. Black Sea coast of the Caucasus. Ethnic entrepreneurship in the system of intercultural communication: definition of the problem [Chernomorskoe poberezh'e Kavkaza. Etnicheskoe predprinimatel'stvo v sisteme mezhkul'turnykh komunikatsiy: postanovka problemy]. *Homo communicans II: Man in the space of intercultural communication*. Szczecin, 2012: 239-244.
19. Sadovoy AN. Ethnic entrepreneurship in cross-border areas: towards the study of adaptation processes [Etnicheskoe predprinimatel'stvo v transgranichnykh rayonakh: k issledovaniyu adaptatsionnykh protsessov] *Social, economic, technological and environmental aspects of sustainable development of Russian regions*. Sochi: Optima, 2018:167-172. (In Russ)
20. Sadovoy AN, Belozerova MV. Indicators for monitoring the implementation of the strategy of the state nationality policy of the Russian Federation: models of traditional life support and ethnic entrepreneurship [Indikatoriy monitoringa realizatsii strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii: modeli traditsionnogo zhizneobespech-

дарственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 174-180.

22. Социально-демографическая характеристика наиболее многочисленных национальностей и народностей Дагестана. (По итогам переписи населения 1989 г.). Махачкала, 1992.

23. Табл. 33. Численность населения городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений, городских населённых пунктов, сельских населённых пунктов // Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года. М.: Федеральная служба государственной статистики Росстат. 2013. 528 с.

24. Капустина Е.Л. Трудовая миграция: экономическая стратегия и элемент социальной жизни (опыт современного горного Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 24-32.

25. Лысенко Ю.М. «Русские районы» Дагестана: проблемы этнодемографического развития (вторая половина XX в.) // Русский язык в истории и культуре народов Дагестана Махачкала. 2007. С. 125-131.

26. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. Санкт-Петербург. 2011. Сер. Ethnographica Petropolitana. 450 с.

27. Магомедханов М.М., Рамазанова З.Б. Трансформация традиций землепользования в нагорном Дагестане: исторический опыт и социально-экономический эффект // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 12 (74). С. 56-62.

28. Лысенко Ю.М. Миграция русских Кизлярщины в регионы юга России: причины, механизм, особенности // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН). Махачкала. 2014.

29. О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. в Республике Дагестан. Статистический сборник. Махачкала: Дагестанстат РД. 2012.

30. Численность и состав населения Дагестанской АССР по национальности, родному языку и состоянию в браке (По данным

eniya i etniche-skoe predprinimatel'stvo]. *Nauchnyi dialog*. 2016, 2(50): 296-312. (In Russ)

21. Lubsy AV, Serikov AV, Stukalova DN. Conflict potential of migration flows in the context of ensuring the national security of Russia. [Konfliktogennyy potentsial migratsionnykh potokov v kontekste obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossii] *State and municipal management. Proceedings of SKAGS*. 2017,3:174-180. (In Russ)

22. *Socio-demographic characteristics of the most numerous nationalities and peoples of Dagestan (Based on the 1989 census) [Sotsial'no-demograficheskaya kharakteristika naibolee mnogochislennykh natsional'nostey i narodnostey Dagestana. (Po itogam perepisi naseleniya 1989 g.)]*. Makhachkala, 1992. (In Russ)

23. Table 33. The population of urban districts, municipal districts, urban and rural settlements, urban settlements, rural settlements. Population of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2013. Moscow: Rosstat, 2013.

24. Kapustina EL. Labor migration: an economic strategy and an element of social life (the experience of modern mountainous Dagestan) [Trudovaya migratsiya: ekonomicheskaya strategiya i element sotsial'noy zhizni (opyt sovremennogo gornogo Dagestana)]. *Enograficheskoe Obozrenie*. 2010, 1: 24-32 (In Russ)

25. Lysenko YuM. "Russian regions" of Dagestan: problems of ethno-demographic development (second half of the 20th century) [«Russkie rayony» Dagestana: problemy etnodemograficheskogo razvitiya (vtoraya polovina KhKh v.)] *Russian language in the history and culture of the peoples of Dagestan*. Makhachkala, 2007:125-131. (In Russ)

26. Karpov YuYu, Kapustina EL. *Highlanders after mountains. Migration processes in Dagestan in the XX - early XXI century: their social and ethnocultural consequences and prospects [Gortsy posle gor. migratsionnye protsessy v Dagestane v KhKh - nachale XXI veka: ikh sotsial'nye i etnokul'turnye posledstviya i perspektivy]*. Saint Petersburg. 2011. Ser. Ethnographica Petropolitana. (In Russ)

27. Magomedkhanov MM, Ramazanova ZB. Transformation of traditions of land use in highland Dagestan: historical experience and socio-economic effect [Transformatsiya traditsiy zemlepol'zovaniya v nagornom Dagestane: istoricheskiy opyt i sotsial'no-ekonomicheskii effekt] *Regional problems of economic transformation* 2016, 12(74): 56-62. (In Russ)

28. Lysenko YuM. Migration of Russians from the Kizlyar region to the regions of southern Russia: reasons, mechanism, features [[Migratsiya russkikh Kizlyarshchiny v regiony yuga Rossii: prichiny, mekhanizm, osobennosti] *Ethnocultural landscapes in the post-Soviet space: problems and features of the*

Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Махачкала. 1980.

31. Миграция населения Республики Дагестан в 1999 г. Статистический сборник. Махачкала. 2000. С. 29.

32. Карпов Ю.Ю. Переселение горцев Дагестана на равнину: к истории развития процесса и социокультурным его последствиям // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб. 2010.

33. Карпов Ю.Ю. Этносоциальные трансформации в условиях миграционных процессов (на примере Дагестана) // Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В. Тишкова. М. 2008. С. 114

34. Муртузалиев С.И. «Депрессивные» муниципальные образования современного горного Дагестана // Модернизация экономики и самоуправления в республиках Северного Кавказа и швейцарский опыт организации общества и экономики / Под общей редакцией Бабич И.Л., Вирт Ю.В., Мартыновой М.Ю. – М.: ИЭА РАН. 2013. 315 с.

35. Цапиева О.К., Агаева Г.Г. Угрозы безопасности Республики Дагестан в демографической сфере, уровне и качестве жизни // Экономическая безопасность Дагестана. Махачкала. 1998.

formation of the Dagestan component (to the 90th anniversary of the IHAЕ DSC RAS). Makhachkala, 2014. (In Russ)

29. *Some results of the All-Russian population census of 2010 in the Republic of Dagestan. Statistical collection [O nekotorykh itogakh Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g. v Respublike Dagestan. Statisticheskii sbornik]. Makhachkala: Dagestanstat RD, 2012. (In Russ)*

30. *The size and composition of the population of the Dagestan ASSR by nationality, native language and marital status (According to the 1979 All-Union Population Census). Makhachkala, 1980. (In Russ)*

31. *Migration of the population of the Republic of Dagestan in 1999. Statistical collection [Migratsiya naseleniya Respubliki Dagestan v 1999 g. Statisticheskii sbornik]. Makhachkala, 2000. p. 29.*

32. Karpov YuYu. Resettlement of the mountaineers of Dagestan to the plain: to the history of the development of the process and its socio-cultural consequences [Pereselenie gortsev Dagestana na ravninu: k istorii razvitiya protsesssa i sotsiokul'turnym ego posledstviyam] *Traditions of the peoples of the Caucasus in a changing world: continuity and breaks in socio-cultural practices. Collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the birth of Leonid Ivanovich Lavrov. Saint Petersburg, 2010. (In Russ)*

33. Karpov YuYu. Ethnosocial transformations in the context of migration processes (on the example of Dagestan) [Etnosotsial'nye transformatsii v usloviyakh mi-gratsionnykh protsessov (na primere Dagestana)] *North Caucasus in the national strategy of Russia. Moscow, 2008. (In Russ)*

34. Murtuzaliev SI. "Depressive" municipalities of modern mountainous Dagestan. I.L. Babich, Yu.V. Virt, M.Yu. Martynova (eds.) [«Depressivnye» munit-sipal'nye obrazovaniya sovremennogo gornogo Dagestana] *Modernization of the economy and self-government in the republics of the North Caucasus and the Swiss experience of organizing society and economy. Moscow: IEA RAS, 2013. (In Russ)*

35. Tsapieva OK, Agaeva GG. Threats to the security of the Republic of Dagestan in the demographic sphere, level and quality of life [Ugrozy bezopasnosti Respubliki Dagestan v demograficheskoy sfere, urovne i kachestve zhizni] *Economic security of Dagestan Makhachkala, 1998. (In Russ)*

Статья поступила в редакцию 30.09.2021 г.